

ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТУРНОЙ ЭЛИТЫ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX в. КАК ФАКТОР МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОГО РАСКОЛА ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Рассматриваются причины расслоения русской интеллигенции на рубеже XIX–XX вв. Делается вывод, что раскол произошел не только из-за разногласий по поводу методов политической борьбы, но и в силу мировоззренческих, общекультурных расхождений. В среде культурной элиты сформировалось специфическое мировидение, отличное от взглядов на мир революционного крыла интеллигенции.

Облик рубежной для российской истории эпохи конца XIX – начала XX столетия во многом определялся процессом реструктурирования, протекавшим в среде интеллигенции. Данный процесс отвечал логике социокультурного развития страны, которое с конца XVIII в. направлялось просветительской государственной политикой. Эта политика, при всей ее ограниченности, принесла свои блестящие плоды: Золотой век русской культуры. Его невероятный, если учитывать уровень цивилизованности страны, и на первый взгляд ничем не детерминированный культурный взрыв выразил себя не только в расцвете русской литературы, именно с тех пор завоевавшей мировое признание, не только в утверждении постулата «высокого искусства», вытеснившего понимание художественного творчества как рода ремесла, но и в появлении особого, передового слоя общества – просвещенного дворянства.

Эта социальная страта, составившая культурную элиту российского общества первой трети XIX в., в то же время являлась и наиболее политизированной его частью. Ей не чужды были романтические порывы, вполне естественные в эпоху расцвета классического романтизма, являвшего собой в западно-европейской культуре той поры ведущий тип мировосприятия. Однако в силу специфики национальной истории в мировоззрении российской культурной элиты Золотого века преобладали не индивидуалистические тенденции, а идеи гражданско-патриотического долга. Неприятие далекой от идеала действительности, как правило, социально заострялось, имело политический характер, а не выливалось в стремление трагически одинокой личности возвыситься над миром социальной необходимости. Духовные интенции и общественная активность этой социальной группы питались обостренным чувством справедливости, чувством вины перед народом в большей степени, чем осознанием эмансипирующейся личности. Личность еще не была возведена в русской культуре в ранг самодостаточных ценностей: страна многовекового крепостничества, где еще совсем недавно любой подданный вплоть до представителей правящего класса мог подвергнуться телесным наказаниям, вряд ли могла самостоятельно генерировать идею самоценной личности. Интересы общества в России всегда ставились выше интересов индивида. Требование самопожертвования во имя «общего блага» оказалось более близко менталитету русской культуры, чем романтическое требование индивидуального духовного совершенствования как необходимого условия идеального переустройства мира.

По мнению К. Касьяновой, исследовавшей особенности русского национального характера, русскую культуру отличает высочайшая степень суровости,

«требующая от человека очень сильного самоограничения, репрессии своих личных, индивидуальных целей в пользу глобальных культурных ценностей» [1. С. 337]. Вот почему начиная с горестного восклицания А.Н. Радищева: «Я взглянул окрест меня – душа моя страданиями человечества уязвлена стала» [2. С. 6], на протяжении XIX столетия в русской культуре непрерывно усиливались социологизаторские тенденции. К примеру, основным предметом и объектом художественного творчества, прежде всего литературы, становились социальные отношения. Душевные движения, поступки, характер персонажей неизменно объяснялись внешними обстоятельствами, общественным окружением, материальной средой. В продолжение всего этого периода давали о себе знать и романтические веяния, но гораздо сильнее и ярче выраженной оказалась реалистическая линия, проникнутая при этом идущим от просветительства гражданским пафосом. В художественной сфере нашли свое отражение мировоззренческие особенности эпохи. Рылеевская формула «Я не Поэт, а Гражданин» [3. С. 162], как и ее некрасовская вариация: «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан» [4. С. 10], весьма выразительно характеризуют умонастроения образованных и общественно активных сословий XIX в.

Указанные тенденции интенсифицировались с выходом на культурную сцену новой общественной группы – разночинной интеллигенции – и достигли апогея в годы Великих реформ. Интеллигенция, определяемая в широком смысле слова, – это специфическая социокультурная среда, которую составляют образованные слои общества, профессионально занятые квалифицированным интеллектуальным трудом или художественным творчеством. При этом русского интеллигента отличает от западного интеллектуала иррациональная, но существенная характеристика: собственная убежденность в предуготованности ей некой особой духовной миссии в жизни общества, восприятие своего предназначения как своего рода избранничества перед лицом народа.

Интеллигенция оформилась в более или менее определенную социальную группу не ранее первой половины XIX в., сменив в качестве наиболее образованной части российского общества просвещенное дворянство. Процесс складывания интеллигенции не был одномоментным актом и имел свои предвестия. Вместе с тем образованность и глубокие культурные запросы сами по себе еще не являются достаточным условием формирования этой социальной общности и критерием принадлежности к ней. До появления разночинства образованные люди в России (относившиеся, как правило, к духовенству или дворянству) не составляли в

своей совокупности самостоятельной и отчетливо выраженной общественной страты ни в социальном смысле, ни с точки зрения профессиональной специфики. М.Л. Гаспаров справедливо заметил: «...мы не называем интеллигенцией ни духовенство, ни дворянство, потому что оба сословия занимались этим неизбежным просветительством лишь между делом, между службами Богу и государю... Понятие интеллигенции появляется с буржуазной эпохой – с приходом в культуру разночинцев (не обязательно поповичей), то есть выходцев из тех сословий, которые им самим и предстоит просвещать. Психологические корни “долга интеллигенции перед народом” именно здесь...» [5. С. 24].

Основная масса разночинной интеллигенции, возможно, и не помышлявшая ни о каких «долгах», занималась каждодневным рутинным трудом на ниве учительства, врачевания, творческих и научных изысканий и т.п. Однако из этой массы выделилась общественно активная группа, взявшая на себя миссию выразителя народных интересов с претензией на роль «совести нации» и «последней надежды общества». Движимая стремлением к насильственному переустройству мира и готовностью идти на жертву во имя народного блага, она сосредоточила свои усилия на политической деятельности: подпольно-заговорщической и пропагандистской практике, «хождениях в народ», наконец, терроре. Из этой все более радикализировавшейся среды сформировалось революционно-демократическое крыло интеллигенции, с которым постепенно начала ассоциироваться вся интеллигенция в целом. И. Паперно, отмечая в своем исследовании, посвященном некоторым аспектам повседневности данного социального слоя, что идеология и стиль поведения разночинцев стали заметным присутствием в жизни общества, подчеркивает их негативно-радикалистское отношение ко всем прежним ценностям и установлениям, категорическое отрицание ими устоявшихся верований и традиций: «Они стремились отказаться от философского идеализма в пользу позитивизма, отвергая все, что не было основано на разуме и данных непосредственного чувственного опыта, от теологии – в пользу фейербаховской антропологии, от традиционной христианской морали – в пользу этики английского утилитаризма, от конституционного либерализма – в пользу политического радикализма и проповеди социализма, от романтической эстетики – в пользу эстетики реалистической, или материалистической. Реализм как миропонимание строился на представлении о мире как “упорядоченном мире начала XIX века, мире причин и следствий, мире без чудес, без трансцендентного, хотя отдельный человек мог и сохранять религиозную веру” (R. Wellek), на представлении о человеке как о телесном существе, живущем и действующем в обществе, – предмете естественных и общественных наук» [6. С. 11].

В известном смысле разночинцев можно отнести к категории маргиналов. Они «выпали» из своих сословий, оторвались от взрастившей их среды и, утратив ее ценностные ориентиры, не сумели выстроить каких-либо иных. Им не удалось четко сформулировать каких-то позитивных жизненных принципов, вся их активность оказалась направленной на разрушение. Независимо от деклараций, ничего созидательного они не

предложили. Разночинная интеллигенция, распространявшая по мере своих возможностей просвещение в почти безграмотной стране, выполняла важнейшую общественно-историческую и культурную миссию. Однако невозможно игнорировать и другие, не всегда лицеприятные характеристики этого социального слоя. Поскольку разночинная интеллигенция рекрутировалась из простых кругов, по преимуществу провинциальных, общий культурный уровень образованных слоев в России оказался сниженным. В быту это проявлялось как пренебрежение внешним видом и галантными манерами. В духовной сфере заявило о себе явление, позднее получившее наименование «писаревщина». Императив служения «высокому искусству» был оттеснен утилитарным тезисом служения искусству «общественной пользе». От литературы требовалось максимально точное воспроизведение действительности с целью непосредственного воздействия на жизнь.

В.В. Розанов, совершая экскурс в историю русской интеллигенции, с большим уважением отзывался о том, как решало свою историческую задачу первое ее поколение, «светлая плеяда людей сороковых и пятидесятих годов»: «В общество, в верхних слоях еще грубое, в средних и образованных – наивное, они внесли серьезное размышление и углубленность чувства» [7]. Следующему поколению предстояло двигаться дальше – воплотить на практике идеи предшественников, «с развитой душой приступить к обновлению жизни» [7]. Подразумевалось, что это обновление станет серьезной работой «в сферах науки, литературы и, может быть, политической деятельности» [7]. Однако очень немногие из поколения 1860–1870-х гг. следовали задачам духовного совершенствования, углубленной умственной и душевной работы; «совсем иным путем пошла главная масса» [7]. Если вести речь именно о массе, а не об отдельных, лучших представителях разночинной интеллигенции, подобных Ф.М. Достоевскому, то придется признать, что в среде русского разночинства не наблюдалось стремления к глубокому осмыслению жизни, к саморефлексии. «Шестидесятники» не философствовали, в книгах искали не пищи для ума, а прямого руководства к действию. Действие же в основном свелось к политическому экстремизму, негативными последствиями чего стали не только контрреформы в России, но и жесткий раскол в самой интеллигентской среде.

Корни раскола уходят в период реакции. Именно в пору «безвременья» и духовного застоя 1880-х гг. начал складываться новый тип интеллигенции, которому на рубеже веков суждено будет стать культурной элитой российского общества и творцом Серебряного века. Вступало в жизнь не просто новое поколение русских интеллигентов: внутри него начала выделяться страта людей, критически подходивших к традиционным сложившимся идеалам интеллигенции, людей, отвергавших революционное насилие и сосредоточивших свои усилия на поисках путей духовного совершенствования общества.

В.В. Розанов в стремлении обосновать общественную позицию этой социальной группы одним из первых дал глубокий анализ причин раскола интеллигенции. Свои взгляды он изложил в цикле статей о «на-

следстве 60–70-х годов», написанных в 1891 г. и вызвавших многолетнюю полемику. Автор начинает цепь своих рассуждений с констатации: характер ближайшего будущего будет определять «факт, что дети, возвращенные “людьми шестидесятых годов”, отказываются от наследства своих отцов, от солидарности с ними и идут искать каких-то новых путей жизни, другой “правды”, нежели та, к которой их приучали так долго...» [7]. Первотолчком к разрыву с «отцами» послужили впечатления от 1 марта 1881 г. Поколение «детей», оказавшееся в ранней юности, «стоя на пороге между гимназией и университетом», свидетелем царевубийства, было поражено холодностью и равнодушием, с которыми человеку причинялись невыносимые страдания просто из соображений политической целесообразности. Утверждение принципа «цель оправдывает средства» привело в конечном итоге к «сухости сердца», к «узости ума», к «цинизму умственному», распространившемуся у «шестидесятников» на все стороны жизни, включая науку и искусство. Это еще более оттолкнуло юное поколение от отцовских идеалов: «И если мы видели, что опять и опять человек рассматривается только как средство, если мы с отвращением заметили, как тем же средством становится и сама истина, могли ли мы не отшатнуться от поколения, которое все это сделало?» [7].

В.В. Розанов обращает внимание на неполноту знания «сходящего с исторической сцены поколения», что привело к искаженному восприятию мира, к неспособности постигать глубинные смыслы жизни и мироздания, к поверхностному и равнодушному взгляду на человека: «Понять это особенное существо, и притом будучи им самим, так плоско и бедно, как был понять человек людьми нашего старшего поколения, — это есть одно из самых удивительных явлений истории. Как будто эти люди никогда на задумывались ни над мыслью своею, ни над движениями своего сердца, ни, наконец, над своим рождением и ожидавшею их смертью. <...> Как к песку пустыни, который лепится с глиной в кирпичи и кладется то в основание, то в вершину здания, они относились к живым людям. И себя не жалели они при этой постройке, лепились, надрывались и падали, как муравьи; не жалели также и других людей, вовсе не знавших, что у них делается. Отсюда — вся боль, которую вызывала эта деятельность» [8]. Мыслитель приходит к выводу: «Ошибка узкого ума есть главное, что причинило все пережитые нами недавно несчастья» [8].

Бунт «детей» — это протест будущих творцов Серебряного века, представителей нарождавшейся в конце XIX столетия новой культуры, против скудости мышления «шестидесятников». Однако линия раскола пролегла не только между старшим и младшим поколениями интеллигенции, расколотым оказалось само поколение «детей». При этом явно наметившееся расхождение прежде единой социальной группы носило широкий социокультурный характер. Анализ столкновения на страницах газет, журналов, публицистических сборников конца XIX — начала XX в. различных взглядов на насущнейшие проблемы современности показывает, что идейное размежевание в среде интеллигенции приняло форму не столько политической борьбы,

сколько многоаспектного мировоззренческого противостояния. Проявившиеся в народнической практике страшные стороны борьбы за политическую свободу вызвали не только протест против методов политического радикализма, но и реакцию отторжения от общекультурных оснований разночинского мировоззрения. Истоки Серебряного века лежали в отвержении нигилизма «шестидесятников», в неприятии их прямолинейных позитивистских построений и вульгарного материализма, в отрицании утилитарных установок по отношению к художественному творчеству.

К 1880-м гг. в среде интеллигенции начала складываться страта людей, воспитанных на безусловном признании абсолютной ценности книги, знания, искусства, всей духовной сферы. Этот круг лишь по формальным признакам может быть отнесен к разночинству. В содержательном же плане формировалась культурная элита российского общества рубежа XIX–XX столетий, т.е. наиболее духовная, мыслящая и образованная его среда, в которой приоритет отдавался интеллектуально-творческой, а не политической активности. Нарождалась интеллигенция в полном смысле этого слова, т.е. сообщество, отличительным признаком которого являются не только профессиональные занятия умственным трудом, но и духовно-нравственные интенции. Появились потомственные интеллигенты — выходцы из профессорских семей или творческой среды. Наряду с этим представители культурной элиты активно рекрутировались из предпринимательских, чиновничьих, военных слоев, где также была осознана высокая значимость хорошего образования и культурного кругозора, что оказывало определяющее влияние на воспитательные традиции. Свою роль в становлении культурной элиты сыграли происходившие в России перемены, в частности некоторое ослабление цензурного гнета и появившаяся возможность свободного выезда за границу. Вся совокупность сложившихся обстоятельств и условий произвела переворот в сознании и в образе мыслей определенной части интеллигенции, вызвав к жизни специфическое миропонимание, иное отношение ко всем сторонам жизни: к метафизическим проблемам мироздания и человека, к назначению искусства и научного познания, к философии и религии, к вопросу о дальнейших исторических путях России.

По мере эволюции народничества и распространения марксизма в России смысл разногласий между культурной элитой и революционным крылом интеллигенции оставался прежним: протест против уничижения духовного начала в человеке, против подавления личности ради «общественной пользы» и торжества утилитарно-материалистического понимания жизни. Н.А. Бердяев в статье «Борьба за идеализм» четко обозначил причины идейной эволюции некоторой части молодежи рубежа XIX–XX вв. «от марксизма к идеализму». Он отметил, что «марксизм оказался беден духовно-культурным содержанием, идеальные задачи философии, нравственности, искусства не были им достаточно осознаны...», что «сами цели человеческой жизни были поняты слишком материально», в то время как культурной элите был свойствен «усиленный интерес... к вопросам философии, искусства и нравственности» [9. С. 5, 11]. Воспринимая убеждения и практи-

ческую деятельность революционеров-радикалов абсолютно безнравственными, культурная элита не уповала на социально-экономические реформы и не возлагала надежд на политику. Только духовные процессы, внутреннее совершенствование личности мыслилось в этой среде залогом коренного переустройства общества. «Политическое освобождение возможно лишь в связи с духовным и культурным возрождением и на его основе», – подчеркивал Н.А. Бердяев, размышляя об итогах революции 1905–1907 гг. [10. С. 56].

В общественном сознании культурной элиты безусловный приоритет отдавался абсолютным (религиозно-нравственным, общенациональным и общечеловеческим) ценностям, а не относительным (материальным или классовым). Эта социально-духовная общность отвергала узкогрупповые интересы политиканов в пользу интересов сверхклассовых и надпартийных. Понятие народа распространялось ею на все общество в целом, а не только на социальные низы: «Народничеству они противопоставляют уважение к праву и уважение к достоинству человека, которое составляет смысл и оправдание его свободы» [11]. Отрицание идеалов и представлений революционно-демократической интеллигенции проистекало из того, что они, по мнению культурной элиты, базировались на сплошном насилии, исходящем из нравственно-правового нигилизма и придания политической борьбе преувеличенной роли в преобразовании общества. Культурная элита не отказывалась от задачи общественного переустройства, но искала иных путей к совершенствованию

мира и не считала необходимым ради будущего отказываться от реальной сегодняшней жизни, тем более – отнимать ее у других. Отвергая принцип «иди и умирай!», которым руководствовалась революционно-демократическая интеллигенция, творцы Серебряного века размышляли о системе ценностей людей, оказавшихся на противоположном мировоззренческом полюсе, тем самым ярче высвечивая собственные убеждения: «Не могут люди жить одной мыслью о смерти и критерием всех своих поступков сделать свою постоянную готовность умереть. Кто ежеминутно готов умереть, для того, конечно, никакой ценности не могут иметь ни быт, ни вопросы нравственности, ни вопросы творчества и философии сами по себе... Отношения полов, брак, заботы о детях, о прочных знаниях, приобретаемых только многими годами упорной работы, любимое дело, плоды которого видишь сам, красота существующей жизни – какая обо всем этом может быть речь, если идеалом интеллигентного человека является профессиональный революционер, года два живущий тревожной, боевой жизнью и затем погибающий на эшафоте?» [12. С. 161, 164].

В эпоху революционных потрясений мировоззренческие представления и жизненные принципы культурной элиты оказались несвоевременными, поскольку неопределенно-либеральные настроения этой социальной группы мало отвечали «злобе дня». Однако и первостепенное внимание их идейных оппонентов к материальным условиям жизни в ущерб ее духовному наполнению, как показала дальнейшая история, не оправдало себя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Касьянова К. О русском национальном характере. М.: ИНМЭ, 1994. 367 с.
2. Радищев А.Н. Путешествие из Петербурга в Москву. СПб.: Наука, 1992. 672 с.
3. Рылеев К.Ф. Войнаровский // Сочинения. Л.: Худ. лит., 1987. С. 162–199.
4. Некрасов Н.А. Поэт и гражданин // Полн. собр. соч.: В 15 т. Л.: Наука, 1981. Т. 2. С. 5–13.
5. Гаспаров М.Л. Русская интеллигенция как отводок европейской культуры // Русская интеллигенция и западный интеллектуализм: история и типология: Матер. Междунар. конф. М.: О.Г.И., 1999. С. 20–27.
6. Паперно И. Семиотика поведения: Николай Чернышевский – человек эпохи реализма. М.: Новое литературное обозрение, 1996. 208 с.
7. Розанов В.В. Почему мы отказываемся от «наследства 60–70-х годов»? // Московские ведомости. 1891. 7 июля.
8. Розанов В.В. В чем главный недостаток «наследства 60–70-х годов»? // Московские ведомости. 1891. 15 июля.
9. Бердяев Н.А. Борьба за идеализм // Бердяев Н.А. Sub specie aeternitatis. СПб.: Изд-во М.В. Пирожкова, 1907. С. 3–25.
10. Бердяев Н.А. Философская истина и интеллигентская правда // Вехи: Сб. ст. о русской революции. М.: Грифон, 2007. С. 33–56.
11. Трубецкой Е.Н. «Вехи» и их критики // Московский еженедельник. 1909. 13 июня.
12. Изгоев А.С. Об интеллигентской молодежи // Вехи: Сб. ст. о русской революции. М.: Грифон, 2007. С. 139–168.

Статья представлена научной редакцией «История» 2 апреля 2008 г.